

УДК 811. 511. 132'367'37

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-1-59-67

Дискурсивное слово *тайми* в спонтанной коми речи

Г. А. Некрасова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр»

Уральского отделения РАН,

г. Сыктывкар, Российская Федерация,

komilang@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Введение. Характерной особенностью спонтанной речи являются нарушения плавного развёртывания речевого потока, а также употребление различных дискурсивных единиц. Статья посвящена рассмотрению дискурсивного слова *тайми*, функционирующего в ижемском диалекте коми языка.

Цель: выявить и описать особенности употребления и функционально-грамматические свойства слова *тайми* в современной коми речи.

Материалы исследования: аудио- и видеозаписи, содержащиеся в Коми медиатеке Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков, диалектные словари, корпус примеров, полученных от носителей ижемского диалекта коми языка.

Результаты и научная новизна. В статье впервые проанализированы особенности употребления и функционально-грамматические свойства дискурсивного слова *тайми*. Установлено, что слово *тайми*, имеющее местоименную основу, представляет собой универсальный дискурсивный маркер, функционирующий в спонтанной речи в следующих функциях: 1) маркера препаративной подстановки; 2) хезитационно-поисковой; 3) эвфемистической. В функции маркера препаративной подстановки и эвфемистической функции *тайми* выступает как согласованный маркер, дублирующий грамматическое оформление отложенной составляющей, в хезитационно-поисковой функции – как несогласованный маркер. Выявлено, что *тайми* может использоваться параллельно с дискурсивным словом *мыйке* в одних и тех же контекстах, при этом в рамках диалекта они, скорее всего, различаются продуктивностью.

Ключевые слова: коми язык, ижемский диалект, устная речь, дискурсивные маркеры, хезитация, препаративная подстановка, эвфемизм

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Для цитирования: Некрасова Г. А. Дискурсивное слово *тайми* в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 59–67.

Discursive word *taymi* in spontaneous Komi speech

G. A. Nekrasova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center “Komi Science Center”,

Ural Branch, Russian Academy of Sciences,

Syktывkar, Russian Federation,

komilang@gmail.com

ABSTRACT

Introduction: characteristic feature of spontaneous speech is the disruption of the smooth deployment of speech flow, as well as the use of various discursive units. The article considers the discursive word *taymi*, functioning in the Izhma dialect of the Komi language.

Objective: to identify and describe the peculiarities of use and functional and grammatical properties of the word *taymi* in modern Komi speech.

Research materials: audio and video recordings contained in the Komi Media Library of the Interregional Laboratory for Information Support of the Functioning of Finno-Ugric Languages, dialect dictionaries, corpus of examples from native speakers of the Izhma dialect of the Komi language.

Results and novelty of the research: the article analyzes for the first time the peculiarities of the use and functional and grammatical properties of the discursive word *taymi*. It has been established that the word *taymi*, which has a pronominal stem, is a universal discourse marker that functions in spontaneous speech in the following functions: 1) marker of preparative substitution (placeholder); 2) hesitation searching; 3) euphemistic. In the function of placeholder and euphemistic function, *taymi* acts as a coordinated marker duplicating the grammatical design of the deferred component; in the hesitation searching

function as an incoordinate marker. It has been revealed that *taymi* can be used in parallel with the discursive word *myike* in the same contexts, while within the dialect they most likely differ in productivity.

Key words: Komi language, Izhma dialect, oral speech, discursive markers, hesitation, preparative substitution (placeholder), euphemism

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the planned research topic of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences “The Permian Languages in the Linguocultural Space of the European North and the Urals” (registration No. 121042600252-7).

For citation: Nekrasova G. A. Discursive word *taymi* in spontaneous Komi speech // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (1/60): 59–67.

Введение

Отличительной особенностью устного дискурса является прерывистость акта речи, информирующая о трудностях в поиске и вербализации речевого намерения говорящего и заключающаяся в наличии хезитаций, повторов, самокоррекций, а также в использовании различных дискурсивных маркеров. Развитие дискурсивных слов происходит на основе единиц служебных и знаменательных частей речи. Значительную роль в данном процессе играют местоимения – указательные, вопросительные, универсальные или неопределённые, а также слова, исторически восходящие к местоимениям этих классов [17, 189–190; 26; 28, 12–13; 29]. В рамках родственных языков в формировании дискурсивных единиц могут быть задействованы местоимения различных семантических разрядов. Так, в качестве дискурсивных слов в речи носителей ряда прибалтийско-финских языков используются указательные местоимения [27; 30], в спонтанной коми речи – указательное *этийö* (варианты *эта, этъя, этйö*) ‘это’ и неопределённое местоимение *мыйкö* ‘что-то’ [4, 420; 14, 455–456; 15], в спонтанной удмуртской речи – слово *марым* «как это сказать, как его там» [23, 276], восходящее к вопросительному местоимению в форме аккузатива [6, 119; 9, 115]. Однако чёткого представления о вариативности дискурсивных единиц местоименного происхождения в рамках пермских языков, не говоря о финно-угорских языках или об уральской семье языков в целом, пока нет. В связи с этим актуальным является выявление источников развития дискурсивных слов местоименного происхождения и особенностей их функционирования в конкретных языках и их территориально-языковых разновидностях.

Дискурсивные единицы и специфика их употребления в спонтанной коми речи до настоящего времени не получили освещения. В данной статье рассматриваются особенности

употребления и функционально-грамматические свойства дискурсивного слова *тайми*, бытующего в ижемском диалекте коми языка. Ижемский диалект – один из десяти территориальных разновидностей коми языка, который распространён на северо-востоке Республики Коми, в Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Мурманской и Тюменской областях.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили: 1) видео- и аудиозаписи устной речи, содержащиеся в Коми медиатеке Межрегиональной лаборатории информационной поддержки функционирования финно-угорских языков (далее – КМ) [7]. Записи произведены в период с 2014 по 2016 гг. в различных регионах проживания коми-ижемцев; 2) диалектные лексикографические издания [8; 21; 22]; 3) Корпус коми языка [10]. Дополнительный материал был получен от носителей ижемского диалекта, проживающих на территории Республики Коми. При паспортизации примеров указан говор конкретного носителя.

В работе использован системно-функциональный подход к изучению устной речи, в рамках которого применены традиционные методы лингвистического исследования: описательно-аналитический, контекстуального анализа, сплошной выборки.

Результаты

Впервые слово *тайми* было зафиксировано в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» [22, 363], в котором оно определяется как указательное местоимение, одновременно сообщается, что *тайми* встречается при затруднении сразу найти слово. Аналогично это слово характеризуется в двухтомном «Словаре диалектов коми языка» [8, 507] и в монографии «Ижемский диалект коми языка»

[18, 77]. В диалектных лексикографических источниках [8, 507; 22, 363] *тайми* дано без перевода на русский язык, в «Словаре диалектов коми языка» отмечено его употребление в значении вводного словосочетания *как сказать: сыа, таймиын, интернатын рӧбитис* «она, как это сказать, в интернате работала» [8, 507]. В монографии «Ижемский диалект коми языка» *тайми* переводится как «вот что», «как это», «как это сказать»: *Иваныс таймиын – ин'т'ернатын рӧбитис* «Иван вот где – в интернате работал» [20, 77]. В «Словаре мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка» *тайми* определяется как частица и переводится словом «значит»: «ТАЙМИ част. значит (при затруднении сразу найти слово) // *Сыа тайми мыйке карис* – Он, значит, что-то сделал» [21, 160]. Этимология этого слова не совсем ясна. По предположению Г. В. Федюнёвой, *тайми* имеет указательную основу *та(й)*- 'это', ср. иж. *тая, та* «этот», к которой могла быть присоединена усилительная частица *ни* «же, уже» (> *-ми*) [24, 219–220].

Слово *тайми* в современной коми речи

В коми диалектных текстах, опубликованных в сборниках [16; 25; 31], слово *тайми* не зафиксировано, что объясняется, скорее всего, тем, что тексты были отредактированы: речевые сбои (фальстарты, исправления, лексические и нелексические паузы), реплики интервьюера при подготовке материалов к публикации были опущены. В КМ, содержащей 57 видео- и аудиозаписей спонтанной речи в форме интервью, слово *тайми* было обнаружено в речи только одного информанта (1927 г. р.). В фрагменте речи продолжительностью 1 час 12 мин. 14 сек. содержится 37 употреблений рассматриваемого слова. В речи других представителей того же говора в качестве дискурсивной единицы местоименного происхождения используются неопределённое местоимение *мыйке* «что-то», реже – указательные *эта, этая* 'это', слово *тайми* не зафиксировано.

В целях выявления употребительности, функционально-семантических и грамматических особенностей рассматриваемого слова был проведён опрос носителей ижемского диалекта, проживающих на территории Республики Коми. В опросе, который проводился в письменной форме, приняли участие 20 носителей в возрасте от 30 до 70 лет. Исследование состояло из двух этапов. Первый

этап включал задания по распознаванию информантом слова *тайми* как знакомого / незнакомого и по его использованию в речи как употребительного / неупотребительного. Слово *тайми* по первому критерию было охарактеризовано тремя информантами как незнакомое, остальными – как знакомое. По критерию употребительности большинство определили данное слово как малоупотребительное, с пометой употребительное в речи представителей старшего поколения, только один информант отметил его использование в спонтанной речи любого носителя, независимо от возраста. Второй этап анализа был направлен на выявление функционально-семантических особенностей рассматриваемого слова. Задание включало определение значения слова вне контекста (необходимо было указать значение слова и привести пример) и через вербальный контекст. В качестве контекста использовались: а) предложения из КМ, содержащие слово *тайми*. Необходимо было перевести на русский язык слово *тайми* или предложение полностью, а также указать возможность его замены другим дискурсивным словом местоименного происхождения; б) предложения со словом *мыйке*, взятые также из КМ. Задание заключалось в выявлении возможности / невозможности замены *мыйке* словом *тайми*. Информанты затруднились определить значение слова *тайми* вне контекста, отметили невозможность его перевода на русский язык, указали на его употребление в качестве связки слов в предложении, вводного слова, заместителя слова или слова-паразита.

В контекстах, предложенных для перевода, слово *тайми* было переведено: 1) местоимениями *это* (в разных падежных формах), *такой*; 2) полнозначным словом, подходящим по смыслу высказывания; 3) словами и словосочетаниями: *как сказать; как это; как говорится; значит; это самое*. В ряде случаев слово было оставлено без перевода. Различная интерпретация *тайми* не только в разных, но и в одних и тех же контекстах свидетельствует о том, что это слово не имеет однозначного эквивалента в русском языке. Все информанты отметили возможность взаимозамены *тайми* и *мыйке* в одних и тех же контекстах с сохранением функционально-семантических и грамматических свойств. В идиолектах информантов обнаруживается непоследовательность

в употреблении этих дискурсивных единиц. По предварительным данным, в рамках диалекта слово *тайми* выступает в качестве доминирующей или периферийной дискурсивной единицы в зависимости от говора.

Функционально-грамматические свойства слова *тайми*

Дискурсивные слова как единицы, не имеющие денотативного значения, могут реализовывать в спонтанной речи различные функции [1, 181–182; 13; 18], поэтому в классификациях, основанных на их функциональных свойствах, одна и та же единица иногда включается в разные группы, см. классификации Ю. В. Дараган [5], Н. В. Богдановой-Бегларян [2], И. Б. Левонтиной [12] и др.

Как показал анализ употребления слова *тайми*, для него характерна полифункциональность. В зависимости от контекста и стратегии употребления эта дискурсивная единица может проявлять себя в различных функциях: 1) заместительной (как маркер препаративной подстановки); 2) гезитационно-поисковой; 3) эвфемистической.

Заместительная функция, или функция маркера препаративной подстановки

В корпусе текстов КМ *тайми* употреблён преимущественно в качестве маркера препаративной подстановки (плейсхолдера). Он встраивается в ту структурную позицию, в которой должна была быть искомая лексическая единица. Препаративная замена используется в тех случаях, когда фрагмент дискурса, который предполагается вербализовать, определён в общих чертах, но затруднения касаются выбора конкретной лексической единицы [19, 23]. Судя по корпусу имеющихся примеров, *тайми* чаще используется при замещении субстантивной составляющей высказывания, крайне редко при замещении адъективной и адвербиальной составляющей.

1. Замещение субстантивного компонента высказывания

Выступая в качестве маркера препаративной подстановки для именных составляющих, *тайми* может присоединять все словоизменяемые суффиксы существительных – показатели падежа, числа, личной притяжательности, может образовать послеложную конструкцию,

иметь при себе зависимые слова. Так, в примере (1) слово *тайми* оснащено суффиксами элатива и посессивности (*тайми-сь-ыс* [тайми-EL-POSS.3SG], в примере (2) представлена послеложная конструкция (*тайми доре*); в примере (3) *тайми* имеет зависимое слово, выраженное местоимением *ас* ‘свой’ (*ас тайми*).

(1) иж. (Нарьян-Мар) <...> *таймисьыс ставсэ нуан али мый Ненецкей округсьыс мам семьядылы?* [7] ‘<...> из этого, из Ненецкого округа, всё что ли увезёшь семье матери?’¹

(2) иж. (Нарьян-Мар) <...> *бабаыс кыске тайми доре, мотоцик дорас* [7] ‘<...> его жена тащит [поваленное дерево] к этому, к мотоциклу’.

(3) иж. (Нарьян-Мар) <...> *только ас тайми лыддыны кужис* [7] ‘<...> только свои эти [= молитвы] умел читать’.

2. Замещение глагольного компонента высказывания

Типологически выделяются четыре морфологических типа маркеров глагольной подстановки: «(а) маркеры, в которых местоименная основа непосредственно сочетается с глагольными словоизменяемыми показателями; (б) маркеры, в которых местоименная основа транспонируется в глагольную с помощью деривационных аффиксов, и уже эта транспонированная основа сочетается с глагольными словоизменяемыми показателями; (в) аналитические маркеры, состав которых входит служебный глагол; и (г) маркеры, инкорпорирующие местоименную основу» [17, 192]. В спонтанной коми речи представлены два типа маркеров глагольной подстановки: 1) маркеры, в которых местоименная основа транспонируется в глагольную с помощью деривационных суффиксов: *мыйкө-ась-ны, мыйкө-ав-ны* ‘это (с)делать, этовать’; 2) аналитические маркеры, в состав которых входит местоимение и глагол *керны* (иж. *карны* ‘делать’): *мыйкө керны* ‘это (с)делать’ [14, 456; 15, 222–223]. В спонтанной речи коми-ижемцев слово *тайми* в качестве маркера глагольной подстановки используется в конструкции с участием глагола ‘делать’: *тайми карны*, как в примере (4).

(4) иж. (Нарьян-Мар) *Да, кор тайми каран, кор кыпедан кок выысьыд, сэж сэсся медланнэ отлаын кучысясныс, вот* [7] ‘Да, когда это,

¹ Здесь и далее перевод примеров наш – Г.Н.

когда встанут с колен, они возьмутся за руки, вот’.

3. Замещение адъективного и адвербиально-го компонентов высказывания

В спонтанной коми речи адъективные и адвербиальные компоненты крайне редко заменяются маркером препаративной подстановки [15], что, скорее всего, является особенностью плейсхолдеров в целом. Об этом свидетельствуют, например, результаты исследования спонтанной речи на материале русского [1, 153] и башкирского языков [3, 178]. В нашем корпусе пример, в котором словом *тайми* был бы заменён адъективный компонент высказывания, отсутствует. Поэтому в качестве иллюстрации приведём пример с маркером препаративной подстановки *мыйке*, поскольку информанты подтвердили возможность употребления *тайми* в данном контексте.

(5) иж. (Краснобор; Усть-Ижма) *И всё равно мен кажитче, налэн кудз бы традицияыс мыйкеджык (= таймиджык) <...> [7]* ‘И всё равно мне кажется, у них традиция как бы более этакая <...>’.

Мнения диалектоносителей в отношении замещаемого элемента словом *тайми* в примере (6) разделились: одни рассмотрели *тайми* как заместитель глагольной составляющей высказывания, другие – как заместитель адвербиальной составляющей, ср. некоторые варианты перевода: ‘Да, да, да, по-хорошему разговаривают, не это (ругаются)’; ‘Да, да, да, хорошо ли поговорят, плохо ли’; ‘Да, да, да, по-хорошему разговаривают, не по-плохому’. Ввиду того, что глагольная подстановка осуществляется аналитической конструкцией (*тайми* с глаголом *карны* ‘делать’), мы склонны интерпретировать слово *тайми* в данном контексте как заместитель предикативного наречия.

(6) иж. (Нарьян-Мар) *Да, да, да, бура сёрнитасныс, оз тайми [7]* ‘Да, да, да, хорошо поговорят, не это самое [плохо]’.

Приведённые в статье примеры показывают, что слово *тайми*, выступая в качестве маркера препаративной подстановки, может корректироваться, как в примерах (1)–(2), и не корректироваться, как в примере (3). Коррекция может происходить сразу после маркера, как в примере (2), и дистантно, как в примере (1). В большинстве контекстов, содержащих слово *тайми*, вербализация искомого слова отсутствует, поскольку говорящий апеллирует к

тому, что уже хорошо известно адресату речи. В связи с этим уместно привести комментарий информанта из с. Усть-Ижма об употреблении *тайми* в спонтанной речи: иж. (Усть-Ижма) *Мам шуас: «Таймисё пырт. Бать с полуслова гөгөрвоё, мый колё пыртны* ‘Мать скажет: «Занеси тайми-то». Отец с полуслова понимает, что надо занести’. Очевидность целевых установок обеспечивает взаимопонимание участников коммуникативной ситуации.

Хезитационно-поисковая функция

В спонтанной речи слово *тайми* может использоваться для обеспечения плавности и непрерывности развёртывания речи. В этом случае маркер, употребляющийся без грамматического оформления, выполняет хезитационную и поисковую функцию, он не влияет на содержание высказывания. Коммуникативные затруднения связаны с поиском вербализации мысли, поэтому речь говорящего может сопровождаться обрывом или повтором слова, разрывом предикации. Так, пример (7) демонстрирует введение маркера в связи с повторением глагола.

(7) иж. (Нарьян-Мар) *А важен вед звер кыйисныс да быдтісныс на, тайми, быдтісныс, эні эд сіе оз и тёдныс народыс, важен вед быдтісныс этая зверьяссэ [7]* ‘А раньше ведь зверей ловили и ещё разводили, как сказать, разводили, сейчас ведь народ это и не знает, а раньше ведь этих зверей разводили’.

В примере (8) осталась незавершённой предикативная часть высказывания: введён только отрицательный глагол, смысловой отсутствует (*прөстэ сэтэн вед ог* ‘просто там ведь не’). Часть фрагмента речи, не устроившая говорящего, корректируется после дискурсивных слов поиска.

(8) иж. (Нарьян-Мар) *А мый нэ сідз, прөстэ сэтэн вед ог <...>, этая, тайми, прөстэ чукартам [22]* ‘А что же так, просто там ведь не <...>, это, как сказать, просто собираемся’.

При ослаблении контроля за лексико-синтаксическим построением высказывания и качеством речи *тайми* нередко выстраивается в конструкцию, включающую несколько дискурсивных единиц. Так, в примере (8) представлена цепочка из двух маркеров поиска (*этая* ‘это’, *тайми*), в примере (9) – из трёх (*тайми*, *но* ‘ну’, *мый нин сія* ‘как уже это’).

(9) иж. (Петрунь) *Кор ме ветлі, тайми, но, мый нин сія, Ухтаэ, аддысылі Викакэд* ‘Когда

я съездил, это самое, ну, как уже это, в Ухту, виделся с Викой’.

Эвфемистическая функция

В речи носителей ижемского диалекта *тайми* может употребляться при замене табуированных слов и выражений, связанных с «неудобными» для обсуждения темами. Как утверждает Л. П. Крысин, «эвфемистическая замена используется в стремлении избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [11, 391]. В эвфемистической функции *тайми* не корректируется, поскольку замена происходит осознанно. В некоторых случаях тип употребления *тайми* определить сложно: он использован в эвфемистической функции или в качестве маркера препаративной подстановки, так как в обоих случаях происходит замена. Так, в примере (10) функцию дискурсивной единицы *тайми карны*, использованной вместо глагола со значением ‘украсть’, можно трактовать как эвфемистическую при условии, если говорящим она была введена осознанно в целях завуалировать негативную информацию. В то же время её можно рассматривать как маркер глагольной подстановки, если она была введена автоматически при затруднении выбора конкретной лексической единицы.

(10) иж. (Нарьян-Мар) *Тайми карис да, судитны мөдiсныс* [7] ‘Его хотели осудить, так как он это самое сделал [= украл]’.

Эвфемистическое употребление слова *тайми* зафиксировано в письменных текстах при придании речи персонажа черт разговорного стиля, как в примере ниже.

(11) – *Köışö, şuyö, peşalin. Byttökö me sätçö таймикери...* (Я. Рочев Му вежём, 1967) [10] ‘– Ковш, говорит, опоганил. Как будто я туда это самое сделал...’

Обсуждение и заключение

Таким образом, функционально-семантические и грамматические особенности слова *тайми* можно установить только через вербальный контекст. В спонтанной коми речи это слово употребляется в качестве дискурсивной единицы, реализуя функции маркера препаративной подстановки, гезитационно-поисковую, эвфемистическую. В функции маркера препаративной подстановки *тайми* используется преимущественно для замены субстантивной и глагольной составляющей высказывания, крайне редко – для замены адъективной и адвербиальной составляющей, при этом он полностью или частично копирует грамматические показатели замещаемого компонента. В эвфемистической функции *тайми* дублирует все грамматические показатели замещаемого компонента, в гезитационно-поисковой функции используется исходная форма без грамматического оформления. Установлено, что в рамках ижемского диалекта *тайми* конкурирует с другими дискурсивными единицами местоименного происхождения, при этом он выступает в качестве доминирующего или периферийного варианта в зависимости от говора. Для адекватного представления о степени употребительности слова *тайми* необходимы дополнительные сведения о современных различиях ижемских говоров.

Список сокращений

иж. – ижемский диалект коми языка; Глоссы: 3 – 3-е лицо, EL – элатив, POSS – посессивность, SG – единственное число.

Список источников и литературы

1. Алексиева Т. Явления гезитации в русском спонтанном дискурсе. София: Парадигма, 2017. 232 с.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
3. Бускунбаева Л. А. Функционирование вербального гезитатива ни / ней ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. 2021. № 14 (1). С. 172–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185.
4. Гуляева Н. И. Гезитационные явления в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 416–424. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-416-424.
5. Дараган Ю. В. Функции слов-паразитов в русской спонтанной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара «Диалог 2000». Протвино: Наука, 2000. Т. 1. С. 67–73.

6. Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927. 160 с.
7. Коми медиатека / Р. Блокланд, В. Чупров, Д. Левченко, М. Федина, М. Федина, Н. Партанен, М. Рисслер. Сыктывкар: FU-Lab, 2016. URL: <https://fu-lab.ru/> (дата обращения: 01.04.2024–30.11.2024).
8. Коми сёрнисикас кывчукöр = *Словарь диалектов коми языка*. в 2-х томах / Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева. Сыктывкар: Кола, 2014. Т. II. 888 с.
9. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
10. Корпус коми языка. URL: <http://www.komicorpoга.ru/> (дата обращения: 11.11.2024).
11. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–408.
12. Левонтина И. Б. Похоже ли походу на походе? // *Русская речь*. 2020. № 6. С. 28–39. DOI: 10.31857/S013161170012874-0.
13. Мультимедийный словарь прагматических маркеров. URL: <https://www.ord-multimedia-dict.com/> (дата обращения: 11.11.2024).
14. Некрасова Г. А. Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // *Вестник угроведения*. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 452–460. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-452-460.
15. Некрасова Г. [А.] Местоимение *мыйкö* ‘что-то’ как дискурсивный маркер в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2024. № 3. С. 215–228. DOI: 10.3176/lu.2024.3.03.
16. Образцы коми-зырянской речи / под ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. 311 с.
17. Подлеская В. И. О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 189–210.
18. Подлеская В. И. *Скажем так*: дискурсивные маркеры, восходящие к глаголам речи в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2024. № 2. С. 52–82. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.52-82.
19. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // *Русский язык в научном освещении*. 2006. № 2 (12). С. 7–55.
20. Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.
21. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, Н. М. Усачёва; под общ. ред. А. И. Кузнецовой. Екатеринбург: Баско, 2010. 319 с.
22. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 490 с.
23. Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 592 с.
24. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.
25. Фольклор ижемских коми в Ненецком автономном округе / сост. А. Н. Рассыхаев, В. М. Кудряшева. Сыктывкар; Нарьян-Мар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2014. 504 с.
26. Ganenkov D., Lander Yu., Maisak T. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives // *Fillers, pauses, and placeholders (Typological Studies in Language 93)*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 95–118. DOI: 10.1075/tsl.93.05gan.
27. Keevallik L. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see* // *Fillers, pauses and placeholders (Typological Studies in Language 93)*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 139–172. DOI: 10.1075/tsl.93.07kee.
28. Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders // *Fillers, pauses and placeholders (Typological Studies in Language 93)*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32. DOI: <https://doi.org/10.1075/tsl.93.02pod>.
29. Seraku T. Grammars for placeholders: The dynamic turn // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2023. № 1 (8). Pp. 1–44. DOI: <https://doi.org/10.16995/glossa.9174>.
30. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät // *Virittäjä*. 2005. No. 2 (109). Pp. 244–271.
31. Uotila T. Syrjänische Texte. Band II. / Gesammelt von T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986. 242 p.

References

1. Aleksieva T. *Yavleniya khezitatsii v russkom spontannom diskurse* [The phenomena of hesitation in Russian spontaneous discourse]. Sofia: Paradigma Publ., 2017. 232 p. (In Russian)
2. Bogdanova-Beglyaryan N. V. *Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya* [Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology], 2014, no. 3 (27), pp. 7–20. (In Russian)
3. Buskunbaeva L. A. *Funkcionirovanie verbal'nogo hezitativa ni / nej 'eto samoe' v ustnoj monologicheskoy rechi bashkir (na materiale dialektnyh tekstov bashkirskogo yazyka)* [The functioning of the verbal hesitation marker ni / nei ‘whatchamacallit’ in oral monologues of Bashkirs: a case study of Bashkir dialectal texts]. *Oriental Studies*, 2021, no. 14 (1), pp. 172–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185. (In Russian)

4. Gulyaeva N. I. *Hezitationnyye yavleniya v komi spontannoj rechi* [Hesitation phenomena in spontaneous Komi speech]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 416–424. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-416-424. (In Russian)
5. Daragan Yu. V. *Funktsii slov-parazitov v russkoy spontannoj rechi* [Functions of parasitic words in Russian spontaneous speech]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunar. seminar "Dialog 2000"* [Computational linguistics and intelligent technologies: proceedings of the International seminar "Dialogue 2000"]. Protvino: Nauka Publ., 2000. Vol. 1. Pp. 67–73. (In Russian)
6. Emelyanov A. I. *Grammatika votyackogo yazyka* [Grammar of the Votyak language]. Leningrad: Izd-vo Leningr. vostochn. in-ta Publ., 1927. 160 p. (In Russian)
7. *Komi mediateka* [Komi Media Library]. Comp. R. Blokland, V. Chuprov, D. Levchenko, M. Fedina, M. Fedina, N. Partanen, M. Rissler. Syktyvkar: FU-Lab Publ., 2016. Available at: <https://fu-lab.ru/> (accessed April 1 – November 30, 2024). (In Komi)
8. *Komi syornisikas kyvchukör = Slovar' dialektov komi yazyka: v 2-h tomah* [Dictionary of the Komi dialects: in 2 volumes]. Comp. L. M. Beznosikova, E. A. Aybabina, N. K. Zaboeva, R. I. Kosnyreva. Syktyvkar: Kola Publ., 2014. Vol. II. 888 p. (In Komi, Russian)
9. Kondratyeva N. V. *Formirovanie padezhnoj sistemy v udmurtskom yazyke* [Formation of the case system in the Udmurt language]. Izhevsk: Udm. un-t Publ., 2011. 154 p. (In Russian)
10. *Korpus komi yazyka* [Komi Language Corpora]. Available at: <http://komicorpora.ru/> (accessed November 11, 2024). (In Komi)
11. Krysin L. P. *Evfemizmy v sovremennoj russkoy rechi* [Euphemisms in modern Russian speech]. *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late XX century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. Pp. 384–408. (In Russian)
12. Levontina I. B. *Pohozhe li pohodu na pohozhe?* [Are the words *pokhodu* and *pokhozhe* similar?] *Russkaya Rech'* [Russian Speech], 2020, no. 6, pp. 28–39. DOI: 10.31857/S013161170012874-0. (In Russian)
13. *Mul'timedijnyj slovar' pragmaticheskikh markerov* [Multimedia dictionary of pragmatic markers]. Available at: <https://www.ord-multimedia-dict.com/> (accessed November 11, 2024). (In Russian)
14. Nekrasova G. A. *Samoispravleniya v spontannoj rechi nositelej komi yazyka* [Self-correction in the spontaneous speech of Komi speakers]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3/54), pp. 452–460. DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-452-460. (In Russian)
15. Nekrasova G. *Mestoimenie myjkö 'chto-to' kak diskursivnyj marker v komi yazyke* [The pronoun *myjkö* 'something' as a discursive marker in the Komi language]. *Linguistica Uralica*, 2024, no. 3, pp. 215–228. DOI: <https://doi.org/10.3176/lu.2024.3.03>. (In Russian)
16. *Obrazcy komi-zyryanskoj rechi* [Examples of Komi-Zyryan speech]. Ed. D. A. Timusheva. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1971. 311 p. (In Russian)
17. Podlesskaya V. I. *O grammatikalizacii i "pragmatizacii" markerov rechevogo zatrudneniya: fenomen preparativnoj podstanovki* [About grammaticalization and "pragmatization" of markers of speech difficulty: the phenomenon of preparative substitution]. *Tret'ya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. Materialy* [Third Conference on typology and grammar for young researchers. Materials]. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2006. Pp. 189–210. (In Russian)
18. Podlesskaya V. I. *Skazhem tak: diskursivnye markery, voskhodyashchie k glagolam rechi v russkom yazyke* [Let's say so: discursive markers ascending to verbs of speech in the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of Linguistics], 2024, no. 2, pp. 52–82. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.52-82. (In Russian)
19. Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. *Korrekcija v ustnoj monologicheskoj rechi po dannym korpusnogo issledovaniya* [Correction in oral monologue speech according to case study data]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2006, no. 2 (12), pp. 7–55. (In Russian)
20. Sakharova M. A., Selkov N. N. *Izhemskij dialekt komi yazyka* [Izhma dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1976. 288 p. (In Russian)
21. *Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyryanskogo yazyka* [Dictionary of the Muzhi subdialect of the Izhma dialect of the Komi-Zyryan language]. Comp. O. L. Biryuk, E. V. Kashkin, A. I. Kuznetsova, N. M. Usachyova; ed. A. I. Kuznetsova. Yekaterinburg: Basko Publ., 2010. 319 p. (In Komi, Russian)
22. *Sravnitel'nyj slovar' komi-zyryanskih dialektov* [Comparative dictionary of the Komi-Zyryan dialects]. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1961. 490 p. (In Komi, Russian)
23. *Udmurtsko-russkij slovar'* [Udmurt-Russian Dictionary]. Ed. V. M. Vakhrushev. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1983. 592 p. (In Udmurt, Russian)
24. Fedyuneva G. V. *Pervichnye mestoimeniya v permskih yazykah* [Primary pronouns in the Permian languages]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008. 427 p. (In Russian)
25. *Fol'klor izhemskih komi v Neneckom avtonomnom okruge* [Folklore of the Izhma Komi in the Nenets Autonomous Okrug]. Comp. A. N. Rassykhaev, V. M. Kudryasheva. Syktyvkar; Naryan-Mar: IYALI KNC UrO RAN Publ., 2014. 504 p. (In Komi, Russian)

26. Ganenkov D., Lander Yu., Maisak T. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. *Fillers, pauses, and placeholders* (Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 95–118. DOI: 10.1075/tsl.93.05gan. (In English)
27. Keevallik L. The interactional profile of a placeholder: the Estonian demonstrative *see*. *Fillers, pauses and placeholders* (Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 139–172. DOI: 10.1075/tsl.93.07kee. (In English)
28. Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders. *Fillers, pauses and placeholders* (Typological Studies in Language 93). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32. DOI: 10.1075/tsl.93.02pod. (In English)
29. Seraku T. Grammars for placeholders: The dynamic turn. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2023, no. 1 (8), pp. 1–44. DOI: 10.16995/glossa.9174. (In English)
30. Sorjonen M.-L., Laakso M. Katko vai eiku? Itsekorjauksen aloitustavat ja vuorovaikutustehtävät. *Virittäjä*, 2005, no. 2 (109), pp. 244–271. (In Finnish)
31. Uotila T. *Syrjänische Texte*. Band II. Gesammelt von T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986. 242 p. (In German, Komi)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.

komilang@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Communisticheskaya Str., 26), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

komilang@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4995-4772